

Он устроил Хань Чжоу в отдельную палату и сначала попытался позвонить Хань Дуну с его телефона, но звонок так и не был принят. Закрыв телефон, Цзинь Шуань обернулся к человеку, лежащему на больничной койке с капельницей. Тот был весь в поту, с нахмуренным лбом, словно переживая долгие муки, похоже, ему снился кошмар.

Цзинь Шуань прошелся по комнате, затем остановился рядом с ним и провёл пальцем по его горячему лицу. Лицо этого человека совсем не выглядело на тридцать лет, скорее на двадцать четыре или двадцать пять.

— Ты такой же, как я? Когда ты умер? В двадцать с чем-то? — прошептал Цзинь Шуань, продолжая двигать пальцем по его лицу.

Когда холодные пальцы коснулись его кожи, дыхание Хань Чжоу резко участилось, и его тело затряслось. Губы, и без того бледные, посинели от того, как он их сжимал.

Пальцы Цзинь Шуаня добрались до его шеи и на мгновение остановились, прежде чем коснуться клейма в форме буквы G. Шрам уже полностью зажил, но его поверхность была слегка вдавлена и светлее окружающей кожи. Форма уже не была такой чёткой, как сразу после нанесения, но всё ещё можно было разглядеть, что хвостик буквы G был слегка повреждён.

Он наклонился, чтобы окончательно убедиться, и его губы медленно приблизились к шраму. Обычно спокойное сердце теперь бешено колотилось, но в тот момент, когда губы почти коснулись шрама, раздался голос:

— Что ты делаешь!

Голос был слабым, но ясным, и тон был не совсем таким, как обычно у Хань Чжоу. Цзинь Шуань вздрогнул и повернул голову, встретив взгляд тяжёлых глаз.

Хань Чжоу больше ничего не сказал, и Цзинь Шуань не осмелился приблизиться снова. Он выпрямился и посмотрел на Хань Чжоу. Тот некоторое время смотрел в одну точку, его взгляд был глубоким и сложным, но, казалось, он смотрел не на Цзинь Шуаня, а скорее в пустоту. Через мгновение он снова закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

На следующее утро, проснувшись, Хань Чжоу увидел Цзинь Шуаня, сидящего с закрытыми глазами у его кровати.

Обычно он спал один, и присутствие кого-то рядом было для него непривычным. Хань Чжоу осторожно начал вставать, но в этот момент человек рядом открыл глаза:

— Ты в порядке?

— Да, всё нормально, — Хань Чжоу сел на кровати, почесал растрёпанные волосы, и его голос был слегка хриплым от утренней сухости. — Спасибо, что провёл со мной ночь. Ты не спал?

— Ничего страшного, — Цзинь Шуань взял градусник со столика и протянул ему. — Ты, похоже, плохо спал, тебе снились кошмары?

— Нет, спал всю ночь, я обычно не вижу снов, — Хань Чжоу взял градусник и положил его под мышку, явно не помня, что произошло прошлой ночью. — Может, и снились, но утром уже не помню.

— Понятно, — Цзинь Шуань слегка опустил голову. — Прости за вчерашнее, не знал, что ты так плохо себя чувствуешь, и всё-таки позвал тебя поужинать.

— О чём ты? — Хань Чжоу зевнул, уже полностью восстановив свой обычный вид. — Если бы не ты, я бы дома уснул и мог бы заработать менингит.

Цзинь Шуань слегка улыбнулся и пошёл в маленькую ванную комнату, чтобы умыться.

Хань Чжоу сидел на кровати с градусником, слушая звук воды, и подумал, что хорошо, что Цзинь Шуань был просто поклонником его брата, иначе эта ночь могла бы стать действительно странной.

Вернувшись домой, Хань Чжоу рассказал Хань Дуну о просьбе Цзинь Шуаня.

— Ты не мог бы перестать подкидывать мне такие дела? — Хань Дун, услышав, что ему нужно встретиться с кем-то, вскочил с дивана и начал ходить по комнате, потирая руки. — Разберись сам, у меня нет времени, я должен рисовать.

— Слушай, — Хань Чжоу сложил руки за головой и положил ноги на стол, с лукавым взглядом. — Этот архитектор чертовски красив, и его стиль — точно твой тип!

— Он гей? — Хань Дун остановился и с подозрением посмотрел на него.

Хань Чжоу поднял бровь:

— Девяносто процентов.

— ...Ладно, — Хань Дун сжал кулаки и подошёл к окну, его голос стал глухим. — Я люблю мужчин, но не хочу заводить отношения.

— И ты собираешься всю жизнь ни с кем не встречаться? — Хань Чжоу опустил руки, действительно раздражённый. — Ты же не можешь всю жизнь прятаться от людей. Что будешь делать, если я женюсь?

— Ты что, не человек? — Хань Дун раздражённо ответил, стоя у окна.

— Ты не можешь зависеть от меня всю жизнь. Что будешь делать, если я женюсь? — Хань Чжоу взял телефон и показал ему. — Директор Сунь познакомил меня с девушкой, мы встречаемся в понедельник.

— Что ты хочешь этим сказать? — Хань Дун повернулся к нему, с улыбкой, смешанной с раздражением. — Получается, все эти годы ты не встречался и не женился из-за меня?

Он усмехнулся и пошёл наверх:

— Тогда женись скорее, чтобы не казалось, что я без тебя не могу жить.

— Боже, ну всё, хватит. Каждый раз одно и то же. Ты же знаешь, что я не это имел в виду... Ладно, с тобой не договориться.

Хань Чжоу тяжело вздохнул и начал собираться в студию.

Студент, который вчера был на грани срыва, увидев Хань Чжоу, начал махать рукой, нервно показывая ему переделанную работу.

Действительно, прогресс был налицо. Хотя форма ещё не была идеальной, но игра света и тени уже была видна. Это придавало картине объём и пространство, и стеклянная чаша теперь действительно выглядела как стеклянная.

— Молодец, парень, ты прорвался, — Хань Чжоу поставил картину на мольберт и отошёл, чтобы оценить её издали. — Теперь поработай над формой, рисуй больше набросков.

Студент, услышав похвалу, чуть не заплакал, кивая головой. Прозрение перед самым экзаменом было как спасение на краю пропасти. Все те дни и ночи упорного труда не прошли даром, и это невозможно было не оценить.

Хань Чжоу погладил его по голове и уже собирался уйти, но у двери его остановила учительница Линьлинь.

— Я сегодня утром зашла в студию и увидела картину в углу, — Линьлинь схватила Хань Чжоу за руку. — Я даже не подумала, что это Ло Ян. Я уже думала, что он безнадежен, но вдруг он прорвался. Признавайся, что ты с ним сделал?

Ло Ян — это имя того самого студента. Хань Чжоу ответил:

— Кроме того, что я более харизматичен и привлекателен, я вчера объяснял ему то же самое, что и ты раньше.

Он посмотрел на спину студента, усердно рисующего в углу, и продолжил:

— Просто раньше у него не было достаточной базы, чтобы понять это. Ты объясняла ему теорию, как если бы школьнику преподавали университетский курс. Естественно, он не мог понять. Теперь он сам дошёл до этого уровня, и тогда ему стало легче преодолеть этот барьер.

История о том, как Леонардо да Винчи три года рисовал яйца, возможно, не совсем правдива, но правда в том, что без усилий нельзя говорить о таланте.

Линьлинь задумалась, а затем усмехнулась:

— Я заметила, что ты быстро поправился. Вчера чуть не умер, а сегодня уже можешь хвастаться...

Она отошла в сторону, чтобы студенты не слышали, и шепнула:

— Тебя вчера ночью кто-то вылечил? Ну как, красавчик, он хорош?

Хань Чжоу замер, вспомнив, как утром в больнице открыл глаза и увидел Цзинь Шуаня. Он вдруг задумался: вчера он уже был без сознания в машине, так как же он попал в больницу?

Неужели его несли на носилках? Или, может быть, Цзинь Шуань его нёс...

Чёрт!

Хань Чжоу вздрогнул, не решаясь представить эту картину, и сквозь зубы сказал:

— Линьлинь, помни, что ты девушка!

— Никогда не забываю, — с улыбкой ответила Линьлинь.

В следующие несколько дней атмосфера в студии становилась всё более напряжённой. Студенты один за другим срывались, но те, кто раньше уходили сразу после занятий, теперь засиживались до поздней ночи, а те, кто раньше болтали и смеялись, теперь прятались в углах, нервно потирая носы.

Провинциальный экзамен был первым шагом к поступлению в университет для художников, и он приближался с каждым днём, но некоторые были к нему не готовы.

Хань Чжоу, поправившись, больше не выходил гулять. Он пару раз связался с Цзинь Шуанем, ведь теперь они были соседями, да и тот навещал его в больнице, так что игнорировать его было бы невежливо.

— Учитель Хань, — после незначительной беседы Цзинь Шуань не сразу повесил трубку, а сделал паузу. — Не знаешь, можно ли устроить к тебе ученика?

— Конечно, почему нет, — Хань Чжоу сидел за столом, вертя ручкой в руках. — Сколько лет? Готовится к экзаменам?

<http://bllate.org/book/15564/1415487>